Лекса Мануш

ФОЛЬКЛОР ЛАТЫШСКИХ ЦЫГАН (основные жанры и тематика)

Развитие европейской науки способствовало зарождению во второй половине XVIII в. новой специальной дисциплины — цыганологии. Первоначально предметом ее изучения был цыганский язык. Однако вскоре круг цыганологических проблем уже не ограничивается одной лингвистикой. Внимание ученых привлекают вопросы истории, антропологии и этнографии цыган и в первую очередь их устнопоэтическое творчество.

В XIX в., особенно во второй его половине, в монографиях под лингвистическими названиями часто публикуются образцы произведений песенного и повествовательного фольклора, записанные у цыган Турции, Венгрии, Румынии, Буковины, Чехии и Словакии [1]. В этот период довольно часты публикации цыганского фольклора и на страницах различных европейских журналов [2]. Появляются также первые издания сборников цыганских сказок в переводах на европейские языки [3].

В начале XX в. (1907—1914 гг.) в издающемся с 1888 г. в Англии цыганологическом журнале печатаются материалы по фольклору английских, уэльских и болгарских цыган, собранные Дж. Сэмпсоном (1862—1932) и Б. Гилльят-Смитом (1883—1974) [4]. В 20—30-е годы помимо работ Дж. Сэмпсона и изданного на немецком языке сборника цыганских сказок (в числе которых и пять сказок, записанных в Болгарии Б. Гилльят-Смитом) [5] впервые публикуется богатый фольклорный материал, собранный в южной Польше И. Коперницким (1825—1891) [6]. В опубликованных в 30-х годах работах К. Ж. Поппа Сербояну и Н. Шейтанова [7]

---

[1] См.: *Puchmayer A. J.* Románi Čib, das ist: Grammatik und Wörterbuch der Zigeuner-Sprache, nebst einigen Fabeln in derselben. Prag., 1821; *Müller F.* Beiträge zur Kenntniss der Rom-Sprache. Wien, 1869; *Paspati A.* Études sur les Tchinghianés ou Bohémiens de l'empire Ottoman. Constantinople, 1870; *Miklosich F.* Über die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europas. Wien, 1872—1881; *Constantinescu B.* Probe de limba şi literatura ţiganilor din România. Bucureşti, 1878; *Ješina J.* Romáňi Čib čili Cikánský jazyk. Praha, 1880; *idem.* Romani Čib oder Zigeuner-Sprache. Leipzig, 1886; *idem.* Slovník česko-cikánský a cikánsko-český jakož i cikánsko-české pohádky a povidky. Hora Kutná, 1889; *Von Sowa R.* Die Mundart der slovakischen Zigeuner. Göttingen, 1887.

[2] См., например: *Gaster M.* Zigeunerische Märchen aus Rumänien. Der Eisenmann.— In: Ausland, Jg. 53. Stuttgart, 1880, S. 257—259; *idem.* Zigeunermärchen aus Rumänien.— Ibidem, Jg. 54, 1881, S. 745—749.

[3] *Von Wlislocki H.* Märchen und Sagen der transsilvanischen Zigeuner. Berlin, 1886; *Groome F. H.* Gypsy Folk-Tales. London, 1899, 302 p.

[4] См. *Black G. F.* A Gypsy Bibliography. Ann Arbor, 1971, p. 66, 150. 151.

[5] *Sampson J.* The Dialect of the Gypsies of Wales. Oxford, 1926; *idem.* XXI Welsh Gypsy Folk-Tales. Gregynog, 1933; *Aichele W., Block M., Ipsen J.* Zigeunermärchen. Jena, 1926.

[6] *Kopernicki I.* Textes tsiganes. Contes et poésies avec traduction française. Kraków, 1925—1930.

[7] *Popp Serboianu C. J.* Les Tsiganes. Histoire, éthnographie, linguistique, grammaire, dictionnaire. Paris, 1930; *Шейтанов Н.* Принос към говора на Софийските цигани. София, 1933.

содержатся отдельные произведения фольклора румынских и болгарских цыган.

Послевоенный период — новый этап в собирании цыганского фольклора. Выходит в свет изданный Д. Йейтс (1880—1974) сборник цыганских сказок[8]. Новые материалы по фольклору цыган Югославии, Австрии, Венгрии и Чехословакии публикуют Р. Ухлик[9], Й. Кноблох[10], братья И. и Ш. Ченки[11], М. Гибшманнова[12], Л. Сегё[13]. Произведения устного цыганского творчества печатаются в различных научных изданиях и в появившихся после войны новых цыганологических журналах[14]. Выходят в свет альбомы пластинок с записями песен цыган Финляндии (1972 г.), Чехословакии (1974 г.) и Венгрии (1976 г.)[15].

В России цыганский фольклор начали изучать со второй половины XIX в. Еще в 1852 г. академик О. Бетлинг (1815—1904) впервые публикует две песни русских цыган[16]. Позднее эти же песни встречаются в работе К. П. Патканова[17]. Три песни русских цыган в искаженной записи на слух содержатся в одном исследовании «страстного цыганиста» — русского поэта А. Григорьева, а в дневниках другого русского поэта — А. Блока, не менее страстно влюбленного в цыганское пение,— есть запись еще одной песни русских цыган[18]. Несколько текстов цыганских песен опубликовано в учебнике цыганского языка П. Истомина (Патканова)[19]. Большой материал по фольклору цыган Смоленщины собран и опубликован В. Н. Добровольским (1856—1920) — 75 текстов, в числе которых 25 песен и 14 сказок[20].

Позднее собиранием и публикацией цыганских песен занимался у нас в стране академик А. П. Баранников (1890—1952)[21]. Цыганский фольк-

---

[8] *Yates D. E.* A Book of Gypsy Folk Tales. London, 1948.

[9] См., например: *Uhlik R.* Serbo-Bosnian Gypsy Folk-Tales.— Journal of the Gypsy Lore Society. Liverpool, 1946, v. 25, № 3—4, p. 92—104; v. 26, № 3—4, p. 116—127; *Ухлик Р., Радичевић Б.* Циганска поезија. Сарајево, 1957. См. также нем. перевод: *Uhlik R., Radičević B.* Zigeunerlieder. Leipzig, 1977.

[10] *Knobloch J.* Volkskundliche Sinti-Texte. Freiburg, 1950; *idem.* Romani-Texte aus dem Burgenland. Eisenstadt, 1953.

[11] *Csenki I., Csenki S.* Bazsarózsa. 99 cigány népdal. Budapest, 1955; *Csenki S.* Cigány népmesek. Püspökladány, 1972; *Csenki I., Csenki S.* Cigány népdalok és táncok. Budapest, 1977.

[12] *Hübschmannová M.* Cikánské písně. Praha, 1960; *idem.* Romské pohádky. Praha, 1973; *idem.* Lačho lav sar maro. Dobré slovo je jako chleba.— Nový Orient. Praha, 1976, № 6, s. 183, 184.

[13] Csikóink kényesek. Magyarországi cigány népköltészet. Válogatta, az utószót és jegyzeteket írta Szegő László. Budapest. 1977, 318 l.

[14] См., например: *Vekerdi J.* Two Gypsy Tales.— In: Acta Orientalia. Budapest, 1964, XVII, p. 335—342; *Valis E.* Two Gypsy Tales from Hungary.— Acta Linguistica. Budapest, 1968, t. 18, fasc. 3—4, p. 375—392; *Valtonen P.* Poèmes en dialecte tsigane finlandais.— Études Tsiganes. Paris, 1969, № 1—2, p. 1—3; *Barthélemy A.* Poèmes recueillis en Amérique latine.— Ibidem, p. 3—7; *Nicolini B.* Proverbi zingari.— Lacio drom. Roma, 1971, № 1, p. 20—29; *Heinschink M., Meissner P.* Der arme Zigeuner und der Teufel.— Mitteilungen zur Zigeunerkunde. Mainz, 1976, № 2, S. 6—10.

[15] Kaale džambena. Suomen mustalaiset laulavat. Finnish Gypsies Sing. Love Records, 2-LXLP-508/509; Magyarországi cigány népdalok. Gyűjt. és közreadja Rudolf Víg. Hungaroton, SLPX, 18028—29; Romane gil'a. Antologie autentického cikánského pisňového folkloru. Sest. *Davidová E.* a *Gelnar J.* Praha, 1974.

[16] *Boethlingk O.* Über die Sprache der Zigeuner in Russland.— Bulletin de la Classe hist.-phil. de l'Académie Imp. des sciences de S. Peterbourg, 1852, t. 10, p. 261—267.

[17] *Патканов К. П.* Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган: боша и карачи. СПб., 1887.

[18] *Григорьев А.* Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны.— Отечественные записки, 1860, № 4—5; см. также: Собрание сочинений Аполлона Григорьева под ред. Саводника В. Вып. 14. М., 1915, с. 44—48; *Блок А.* Дневник 1920 года.— Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7. М.— Л., 1963, с. 376.

[19] *Истомин (Патканов) П.* Цыганский язык. Грамматика и руководство к практическому изучению разговорной речи современных русских цыган. М., 1900.

[20] *Добровольский В. Н.* Киселевские цыгане. Вып. 1.— Цыганские тексты. СПб., 1908.

[21] См. *Barannikov A.* Songs of the Ukrainian Gypsies.— Journal of the Gypsy Lore Society. Liverpool, 1931, v. 10, № 1, p. 1—53.

лор привлекал также внимание профессора М. В. Сергиевского (1892—1946) и советских цыганских литераторов Н. А. Панкова (1895—1959) и А. В. Германа (1893—1955) [22]. Следует упомянуть и публикацию сказок, записанных в 1938 г. студентом А. Н. Балабаном [23].

В послевоенные годы на русском языке издавались цыганские сказки, записанные и литературно обработанные венгерским филологом Т. Бартошем, и сказки, написанные по мотивам фольклора русских цыган [24]. Во втором сборнике приведено 30 цыганских песен, текст которых дан на цыганском и русском языках. В 1970 г. издан небольшой сборник цыганского фольклора, составленный Г. В. Кантей; в него вошли 55 песен (в том числе 46 коротких «припевок»), две сказки, семь анекдотов, 15 паремий и 20 загадок на урсарском диалекте цыган Молдавии [25]. Песенная поэзия русских цыган представлена в сборниках А. А. Лихатова (14 текстов) и С. М. Бугачевского (68 песен) [26]. Три песни и одна сказка опубликованы В. И. Санаровым [27].

До недавнего времени цыганологическая фольклористика ограничивалась лишь собиранием фольклора. Сколько-нибудь заметных исследований аналитического характера, по-видимому, не существовало. В работах А. П. Баранникова давался краткий обзор тематики песен украинских и южнорусских цыган [28], а в посмертно опубликованной статье Дж. Сэмпсона [29] — анализ особенностей метрической структуры песенной поэзии греческих цыган Турции. Только в 60-е годы исследованиями А. Хайду, Й. Векерди и Л. Сегё положено начало подлинно научному изучению устнопоэтического творчества венгерских цыган [30]. Тогда же был сделан обстоятельный анализ тематики песенной поэзии цыган Польши в работе Е. Фицовского, а в 70-е годы в небольшой статье Э. Давидовой и Й. Гельнара предпринята классификация жанрового состава цесен цыган Чехословакии [31].

Собирание фольклора латышских цыган началось сравнительно недавно. В 30-е годы этим занимался цыганский религиозный и общественный деятель Ян Лейманис [32]. Известна изданная в его переводах на диа-

---

[22] *Сергиевский М. В.* Вашо романэ гиля.— В кн.: Романы зоря. № 1. М., 1927, с. 19—23; *Герман А.* Цыганские сказки.— В кн.: Читатель и писатель. М., 1928, № 9, с. 2; *его же.* Цыганские народные сказки.— Дружба народов. М., 1941, кн. 7, с. 279—289.

[23] Цыганские сказки.— В кн: Фольклор Дона и Кубани. Сб. I. Ростов-на-Дону, 1938, с. 270—278.

[24] *Бартош Т.* Никогда не было тебя, Цыгания! (Перевод с венгерского). М., 1961; *Романы-чай И.* (*Андроникова И. М.*). Сказки идущих за солнцем. По мотивам цыганского фольклора. Л., 1963.

[25] *Кантя Г. В.* Фолклорос романо. Кишинев, 1970.

[26] *Лихатов А. А.* Цыганские песни в сопровождении семиструнной гитары. Л., 1967; *Бугачевский С. М.* Цыганские народные песни и пляски. М., 1971.

[27] *Sanarov V. J.* Trois chansons tsiganes russes.— Études Tsiganes. Paris, 1969, № 3, p. 1—7; *idem.* Ruzha. Romanyi paramichi anda Sovyeticko Uniovo.— Rom Som. Budapest, 1977, № 2, 8—9 old.

[28] *Баранников А. П.* Цыганы СССР. Краткий историко-этнографический очерк. М., 1931, с. 48, 49, 64—66; его же. Українські цигани. Київ, 1931, с. 26—28.

[29] Folk-Songs of the Tchingianés. Extracted from the Études of Dr. A. G. Paspati/ Edited, with Notes and English Translation, by the Late John Sampson.— Journal of the Gypsy Lore Society. Liverpool, 1947, v. 26, № 1—2, p. 53—73.

[30] *Hajdu A.* Le folklore tsigane.— Études Tsiganes. Paris, 1962, № 1—2, p. 1—32; *idem.* La loki djili des Tsiganes Kelderaš.— Arts et traditions populaires. Paris, 1964, t. 12, № 2, p. 139—177; *Vekerdi J.* Gipsy Folk Songs.— Acta Orientalia. Budapest, 1967, v. 20. fasc. 3, p. 339—352; *idem.* A cigány népmese. Budapest. 1974, 280 l.; *idem.* A cigány epikus stílus kérdése.— Népi kultúra — népi társadalom. Budapest, 1975, 367—375 old.; *Szegő L.* Cigány népballadák.— Forrás. Budapest, 1971, № 3, 24—25 old.; *idem.* Some Problems of the Ballad of the Snake.— Acta Orientalia. Budapest, 1973, v. 27, fasc. 3, p. 373—386.

[31] *Ficowski J.* Cyganie na polskich drogach. Kraków, 1965, s. 207—225; *Davidova E., Gelnar J.* Analyse du folklore vocal des Tsiganes contemporains en Tchécoslovaquie.— Études Tsiganes. Paris, 1975, № 2—3, p. 5—12.

[32] О нем см. Jānis Leimanis.— Latviešu konversācijas vārdnīca, Rīgā, 1935, XII sēj.

лект латышских цыган религиозная литература, но собранный им фольклорный материал, по-видимому, так и остался неопубликованным. Лишь в 1938 г. эстонским академиком П. А. Аристэ впервые были изданы отдельной книжкой три сказки на диалекте латышских цыган[33]. Позднее он публикует еще одну сказку, песню, легенду и несколько паремий латышских цыган, а в 1973 г. — пять сказок, записанных им в 1935 г. от Эдгара Козловского (1919 г. р.) в г. Тарту[34]. Фрагменты четырех песен латышских цыган, записанные Яном Чичисом (жителем г. Вентспилса, ЛатвССР), опубликованы в лингвистической работе Я. Кохановского[35]. В основу настоящей статьи положен материал, собранный автором в 1963 и 1966—1969 гг.: 50 песен и 14 произведений народной прозы латышских цыган. 15 песен и 10 произведений повествовательного фольклора записаны автором в 1963 г. на ст. Вангажи (Рижский р-н) от Каты Мартинкевич (1900 г. р.), шесть песен — от Аустры Козловской (1933 г. р.), четыре — от Карла Рудевича (1939 г. р.), три — от Валдиса Клейна (1919 г. р.). К настоящему времени автором опубликованы восемь песен и две сказки; одна песня записана на грампластинку[36].

В фольклоре латышских цыган представлены все основные виды народнопоэтического творчества — песенная поэзия, устная проза и так называемые брахилогизмы, или «малые жанры» фольклора[37].

Песня (цыг. gili<скр. giti) — популярнейший у цыган фольклорный жанр. О том, какое значение песня всегда имела в их жизни, лучше всех сказал советский цыганский поэт Георгий Лебедев:

Рома́ гиле́нца бияндлэ́-пэ,	Цыгане рождаются с песней на свет,
Гиле́нца мэ́рна о рома́.	И с песней его покидают.
Нанэ́ ада́сави э ша́тра,	Пожалуй, такого шатра в мире нет,
Кай на шундлэ́-пэ бы гиля́! [38]	Где песен они не слагают!

Подобно цыганам других этнолингвистических групп, латышские цыгане делят свои песни на два типа: *trúdna*, или *pharé*, *giļá* («тяжелые», т. е. протяжные, песни) и *xótna*, или *khelibnítka*, *giļá* (веселые, или плясовые, песни) — деление, в основе которого лежит, по-видимому, различие в музыкальном стиле. Характерная особенность песенного фольклора латышских цыган — отсутствие обрядовой поэзии и жанра трудовых песен, широко представленного, например, в латышской народной словесности[39]. Специфический, исторически обусловленный образ жизни цыган

---

[33] *Ariste P.* Romenge paramiši. Tartu, 1938.

[34] *Ariste P.* Des Tziganes (Bohémiens) des Pays Baltes.— In: Omagiu lui Iorgu Iordan cu prilejul împlinirii a 70 de ani. București, 1958, p. 35—40 (далее — *PA*, 1958); *idem.* Mustlastest.— Eesti Loodus, Tartu, 1959, № 1, lk. 22—28; *idem.* The Latvian Gypsy Legend of May Rose.— Journal of the Gypsy Lore Society. Liverpool, 1961, v. 15, № 3—4, p. 100—105; *idem.* Einige Sprichwörter der Čuchny-Zigeuner.— Proverbium. Helsinki, 1972, № 18; S. 692, 693 (далее — *PA*, 1972); *idem* Einige Märchen der Čuchny-Zigeuner.— Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 309 — Труды по востоковедению, II. 1973, с. 5—40 (далее — *PA*, 1973).

[35] *Kochanowski J.* Gypsy Studies. Pt I. New Delhi, 1963, p. 134, 135 (далее — *JK*).

[36] *Manuš L.* Quelques chansons des Tsiganes lettons.— Études Tsiganes. Paris, 1972, № 1, p. 1—6 (далее — *LM*, 1972); *idem.* Čhaj te vešeskīru. Conte des Tsiganes lettons, par Kata *Martinkevič*.— Ibidem, 1976, p. 1—8 (*LM*, 1976); *idem.* Eine kurze Erzählung aus Lettland.— Mitteilungen zur Zigeunerkunde, Mainz, 1978, N 6, S. 9—12 (*LM*, 1978); Песни цыган разных стран/Исп. Р. Джелакаева и П. Деметр.— Мелодия, СМ 04459—60 (далее *ПЦРС*).

[37] Термин «брахилогизм» включает в себя понятие как паремий (пословиц и поговорок), так и загадок. О его употреблении см., например, Фольклор балтских народов. Рига, 1968 (далее — *ФБН*) с. 23, 308.

[38] *Лебедево Г.* Гилори.— В кн.: Альманахо романэ поэтэн. Альманах цыганских поэтов. М. 1931, с. 34; см. также в русском переводе Обрадовича С.: Журнал для всех. М., 1929, № 10, с. 26. Здесь все цыганские тексты даются в переводе автора статьи.

[39] См., например: *Витолинь Я.* Латышская народная песня. М., 1969, с. 13—44; *Бараускене В.* Общие моменты в литовских и латышских трудовых песнях.— *ФБН*, с. 27—52.

наложил печать и на их устное творчество. Можно отметить общие для песенного фольклора балтских народов и латышских цыган группы песен: помимо семейно-бытовых это сиротские, корчемные и рекрутские, или военные, песни. По функционально-тематическому принципу и по жанровым признакам песни латышских цыган можно классифицировать следующим образом:

I. *Лиро-эпические песни.*

II. *Лирические песни*: *а*) *семейно-бытовые*; *б*) *сиротские*; *в*) *рекрутские* (*или военные*); *г*) *корчемные* (*застольные*).

III. *Плясовые.*

Лиро-эпический жанр народной поэзии латышских цыган представлен весьма обширной группой песен самого разнообразного содержания, в которых особенно ярко отражено своеобразие цыганского образа жизни в прошлом. Это прежде всего песни о конокрадах и конских барышниках, об удальстве и необычных приключениях цыган. Среди песен этой группы выделяется драматическая по своему сюжету «Čordžum tele džadžuske čhajōrja («Украл я дочку джаджуса», т. е. цыганского вожака) (*LM*, 1972, № 3), в которой рассказано о братьях, жестоко расправившихся с сестрой; ее повесили на березе. В песне «Pale do rekica, pale do pāning» («За той речкой, за той водою», *LM*, 1972, № 4), рассказывается о том, как цыган украл у барина трех коней. Когда слуги барина схватили конокрада, барин спросил, сколько у него было сообщников. Цыган ответил:

Pheršo sumas me kokōro,	Первым был я сам
Vāvir sis mu bistru vast,	Вторым — моя ловкая рука,
Odo trito — čemno rat,—	Третьим — темная ночь.—
Dolá isámas grénge čorá.	Вот и все конокрады.

Эта цыганская песня перекликается с известной русской народной песней «Не шуми, мати, зеленая дубравушка».

Другая песня этого цикла — «Ķālu mīru postin, lōli mīri kustik» («Черна моя шуба, красен мой кушак») (*LM*, 1972, № 2) строится на диалоге между барином и цыганом. Барин торгует коня, за которого цыган просит 300 целковых и младшую дочь барина. Долго им не удается прийти к соглашению, но в конце концов ловкий цыган заключает выгодную для себя сделку:

Dijá jov mánge trin šel rúbli	Дал он мне триста целковых,
Dijá ternedír čhá.	Дал мне младшую дочь.

Из интересной по композиции песни «Ķu da tiknu khērōro» («У той маленькой избушки»), записана в 1969 г. от К. Рудевича (1939 г. р.), узнаем, что молодой цыган увозит в лес девушку, разводит большой костер, созывает на свадьбу цыган, спаивает их, а затем вдруг скачет прочь и просит своего коня «вынести из беды его голову».

Неудачное сватовство, любовь против воли отца и женитьба в «чужом краю» являются основными темами трех других песен лиро-эпического жанра: «Mande sis jekh mlodžikus» («Был у меня один кавалер»), «Ķed súmas me ternú čhāvu» («Когда я был молодым парнем») и «De, dēlōro, daulale, man baxtōri!» («Дай мне, господи боже, счастьица») (записано от К. Мартинкевич).

Еще более обширен репертуар бытовой лирики латышских цыган, включающий в себя семейно-бытовые, сиротские, рекрутские и корчемные песни.

Одну из центральных тем семейных лирических песен латышских цыган можно охарактеризовать словами А. С. Пушкина, сказанными им о русских песнях: «Несчастие жизни семейственной есть отличительная

черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание — или жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене...»[40].

Вот как, например, замужняя цыганка оплакивает в песне свою судьбу:

Terni sumas te baxt mange nāni,—	С младых лет я о счастье мечтала,—
Mi baxtōri ṭal pāning si pašli.	Скрылось счастье в пучине морской.

Единственным виновником своих страданий она считает мужа, который загубил ее молодость. Глубокое отчаяние и тоска по счастью заставляют ее горестно воскликнуть:

Ax, podén mange phārune tašmi,—	Ах, подайте мне ленты из шелка,—
Te-khuváv len an kālé da balá.	В черны косы себе их вплету.
Ax, podén mange kālé sivunés.—	Ах, подайте скорей вороного,—
Te-rodáv me morósko xoripén!	На дне моря я счастье сыщу!

Трагизмом проникнут и следующий куплет песни, в котором говорится о том, как волны отказались принять тело несчастной женщины и выбросили его на берег.

В другой песне цыганка вспоминает отчий дом:

Me bārijum ko mīro dād,	Я в доме отцовском росла,
Sir ružica ande bār (*LM*, 1972, № 1,)	Как роза в саду, я цвела.

Она упрекает мужа за то, что он забрал ее из «розового сада» и обрек на вечные страдания и слезы. Единственное ее желание — вернуться в дом отца.

Совершенно иным чувством проникнута песня «Aj, romále, aj, čhavále!» («Ай, цыгане, ай, ребята»), в которой цыган просит родственников не бить его жену, так как он никогда ее не покинет, потому что у него двое детей. Тема любви звучит и в песне «Nāni čaču, nāni čaču...» («Нет, неправда, нет, неправда...», *LM*, 1972, № 6). Молодой цыган не верит слухам об измене своей невесты. Оседлав вороного, он едет в гости к девушке. В лирической песне «Lodočka» («Лодочка») цыган жалуется на жизненные невзгоды, которые, словно волны в море, унесли его, разлучив с любимой. Будь у него лодочка, он поплыл бы к берегу, но «...что поделать, что поделать? Счастья нет!» Этим рефреном заканчивается каждый куплет песни:

Ti-javél man, ti-javél man ada kālo graj,—	Ах, имел бы, ах, имел бы ворона коня,—
Ti-urṇovās, ti-urṇovās, daula, me ke tu, nené.	Я помчался б, полетел, нэнэ, к тебе, мой свет.
Aj, so ti-kērav, so ti-kērav? baxt nāné!	Но что поделать, что поделать?! Счастья нет!

В песне «Lačhu dīvés, mi daj!» («Здравствуй, мать моя!») после долгой разлуки с родными цыган возвращается домой и ведет рассказ о преждевременно загубленной молодости и пережитых страданиях. Острой человеческой болью, нежной любовью к старушке-матери и к старику-отцу, глубоким трагизмом проникнута каждая строка этой песни. Жизнелюбие, жажда жизни, привязанность ко всему, с чем он был связан,— основной мотив песни «Haj mu dād, mi daj, zaxačkir jāg-i!» («Отец мой, мать моя, огонь зажгите!», *JK*, № 3), в которой умирающий цыган просит, чтобы на кладбище его везли весело, без слез и причитаний:

Haj ku mu gróbus gren khelakirén,	У гроба моего пусть кони громко ржут,
'U vīni pjen te šlánki phagirén.	Вино цыгане пьют и рюмки звонко бьют.

[40] *Пушкин А. С.* Путешествие из Москвы в Петербург.— В кн.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 7 — Критика и публицистика. Л., 1978, с. 197.

Та же тема семьи, тема любви к близким является центральной и в рекрутских (или военных) и сиротских песнях латышских цыган. Содержание песни «Jauja mange kraļistir lil» («От царя пришла бумага») следующее: цыган получает царский приказ идти в солдаты и остро переживает предстоящую разлуку с женою и детьми. Ему представляется, что цыганка бросит детей и уйдет к другому. Возвратившись спустя некоторое время домой, он, действительно, застает детей одних и спрашивает: «Кто ж кормил вас, мои детки, колыбельку кто качал?» Дети ему отвечают:

Čirklōró, men te-xál dijá,	Птичка нам еду носила,
Balvalōri kunindžá.	Ветерочек нас качал.

Другая песня этого же цикла, «Tiknu me sumas, bāru vibārijum» («Маленьким был я, вырос большим»), начинается с воспоминания цыгана о детстве в отчем доме, где он мальчишкой бегал на конюшню кормить лошадей. Получив известие о том, что царь велит ему собираться на войну, молодой цыган обращается к своему отцу:

Ai, mu dādōro,	Ах ты, мой батюшка,
Mīru milu vai dādōro!	Милый мой, славный мой батюшка!
Saj kurtálica tu man désa	Подари мне остру саблю.—
Pe da kraļiski vojskica?	Время ехать в войско.

Собравшись на войну, он едет через березняк, и деревья роняют росу на спину его коня. Три сабли сломал он на войне, а четвертую привез домой. При встрече с отцом он произносит полные нежности и печали слова

Ai, mu dādōro,	Ах ты, мой батюшка,
Mīru milu vai dādōro!	Милый мой, славный мой батюшка!
Savu sivu tu jačhán-i,	Как ты сильно поседел,
Poskil khére nasum!	Пока меня дождался!

Потребность в родительском совете, в поддержке отца и ласковом наставлении матери особенно остро ощущаются, когда их нет уже в живых.

Ušti, dādōro, nápašu,	Встань, батюшка, не спи,
Te sikáv dromōro,	Куда идти,
Kaj te-džáv!	Дорожку покажи!—

взывает к покойному отцу в одной из песен сирота-цыган.

Kaj kaná me te-džáv?	Куда же путь мне держать?
Kaj šērо te-čhuváv?	Отца и мать где искать?!
Ni man dād, ni man daj,	Нет родных у меня,
Ni man nin lačhu graj	Вороного коня,—
(*LM*, 1972, № 7)	

жалуется другой сирота.

Féldica si mi daj,	Степь теперь — моя мать.
Vešōró si mu dād.	Лес теперь — мой отец.

А коня себе он раздобудет сам,— ведь какое же цыганское счастье без коня?!

Lav saváris, čupní,—	Плеть и сбрую возьму,
Džáva baxt te-rodáv,	Вслед за счастьем пойду,
Džáva baxt te-rodáv,	Вслед за счастьем пойду,
Sivunés te-latháv.	Вороного найду.

В последней строфе в обращении цыгана к коню снова содержится жалоба на несчастную сиротскую долю.

Молодецкая удаль, прославление молодости и свободы, буйное веселье в корчме — таковы основные мотивы корчемных песен «Kaj džása, čhāvōro?» («Куда идешь ты, паренек?», *LM*, 1972, № 5) и «Lidžen man-i, kaj lidžindoj» («Ведите меня, куда угодно»). Чувством горечи и стыда перед людьми за беспечно прожитую жизнь и ошибки молодости пронизана застольная песня «Dādōro phūru, dajōri nāni» («Батюшка — старый, матушки нет», *ПЦРС*).

Обширную группу песен латышских цыган составляют плясовые песни, основная функция которых — сопровождение цыганской пляски. Как правило, они шуточного характера, но по тематике близки к семейно-бытовым и любовным. Типичным образцом песен этой группы может служить «Ošiņ džála, žima jāla...» («Осень проходит, зима наступает...»), в которой цыган в шутливой форме жалуется шурину на то, что наступает холодная зима, а жена у него босая. Он просит у шурина 200 рублей и грозит бросить жену, если ее брат не даст деньги. Шурин умоляет не покидать сестру и дает 200 рублей. В качестве примера шуточной плясовой песни на любовную тематику приведем куплет из «Čhajōri rovela...» («Девушка рыдает...», *LM*, 1972, № 8):

Čhajorí rovéla,	Девушка рыдает,
Joj romés kaméla,	По молодцу страдает,
Dādōro nadéla,	Тятька не пускает,
Čhajori našéla.	Девчонка убегает.

В отличие от песен (giļa) — все жанры повествовательного фольклора латышских цыган называются paramíša — 'сказка'<новогреч. paramýthi. В сказочной прозе можно выделить волшебные, новеллистические и бытовые сказки. В репертуаре волшебных сказок латышских цыган (*PA*, 1973, № 1—5) популярны такие распространенные и в фольклоре других народов сюжеты, как «Победитель змея» (*AT-BC-AM* 300), «Поиски жар-птицы» (AT-BC-AM 550), «Конек-горбунок» (AT-BC-AM 531), «Безручка» (AT-BC-AM 706) [41] и др. Часто различные варианты волшебных сказок представляют собой контаминацию тех или иных сказочных сюжетов, например: *BC*—674*+409 *A** (*PA*, 1973, № 3), *AT-BC-AM* 156+ +300 (*PA*, 1973, № 4) или *BC*—516**+706+ —707* (PA, 1973, № 1). Очень интересна по сюжету (*AT-AM* 407 B) и композиции сказка «Mūlénge phenáva, džidénge naphenáva» («Мертвым скажу, живым не скажу»), записанная автором в 1968 г. в Риге от В. Рудевич (1937 г. р.), слышавшей ее в детстве от матери Альвины Марцинкевич [42].

Прекрасная девушка знакомится с красавцем-юношей. Каждый вечер они встречаются друг с другом, и всякий раз юноша таинственно исчезает. Однажды девушка выслеживает его и узнает, что это — черт (нечистый), который меняет свое обличье. Она перестает с ним встречаться, и у черта возникают подозрения. Теперь каждый вечер он появляется под окном дома девушки и спрашивает, что ей о нем известно, но девушка постоянно отвечает ему одними и теми же словами: «Мертвым скажу, живым не скажу». Эта сцена повторяется несколько раз. Умирают отец девушки, ее мать, сама девушка. Добрые люди хоронят ее в лесу в таком месте, где черт не может ее найти. Там вырастает прекрасный как сама девушка (ее имя Ружа), цветок. Одинокий лесник находит его

---

[41] Типы сказочных сюжетов определяются согласно следующим указателям: *Aarne A., Thompson S.* The Types of the Folktale. Helsinki, 1961 (*AT*); Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979 (далее—*BC*); *Arājs K., Medne A.* Latviešu pasaku tipu rādītājs. Rīgā, 1977 (*AM*).

[42] Весьма близкий вариант данной сказки (AT-AM 407 B) мы находим и у венгерских цыган. См. *Vekerdi J.* A cigány népmese. Budapest, 1974, 217—223 old. По-видимому, это объясняется тем, что отец Валентины Рудевич — Ферко Сигизмунд — принадлежал к этнолингвистической группе венгерских цыган-ловари.

и, пересадив в горшок, приносит в свою избушку. Каждый день, когда лесник уходит из дому, цветок превращается в девушку, которая прибирает горницу, съедает краюху хлеба и снова превращается в цветок. Как-то, когда она еще не успела превратиться в цветок, неожиданно появляется сын лесника, пришедший издалека навестить отца. Молодые люди влюбляются друг в друга и женятся. Спустя какое-то время, когда у них было уже двое детей, муж против воли жены переселяется с семьей в деревню. Здесь черт вновь находит Ружу, и снова она на его вопрос отвечает словами: «Мертвым скажу, живым не скажу». Один за другим умирают муж Ружи и оба ребенка. И лишь теперь, когда опять появляется нечистый, она, стоя перед образами, начинает рассказывать обо всем случившемся. Нечистый исчезает, а все близкие Ружи возвращаются к ней целыми и невредимыми.

Из новеллистических можно упомянуть записанную П. А. Аристэ сказку (*РА*, 1958), в которой использованы сюжеты «Жена выручает мужа» (*ВС-АМ* 880) и «Неразгаданные загадки» (*ВС-АМ* 851).

Характерная особенность волшебных и новеллистических сказок латышских цыган в том, что в них нет образов самих цыган. Главные герои обычно — крестьянский сын Дурнила (*РА*, 1973, № 2, № 5), дочь обедневшего хозяина (*РА*, 1973, № 1), сын лесника (*РА*, 1973, № 4) или студент, который учился 25 лет (*РА*, 1973, № 3). Среди сказочных персонажей встречаются также торговцы (купцы), работник (слуга), почтальон (гонец), царский кучер, царь, царевна, различные звери, птицы и пресмыкающиеся (лев, медведь, змея), жар-птица, 12-главый змей и др.

Наибольший интерес представляют бытовые сказки, которым мы уделяли особое внимание при записи фольклора латышских цыган. Эти сказки имеют в известном смысле историческую и этнографическую ценность, поскольку главные персонажи их — латышские цыгане и в сказках ярко отражены особенности их быта в прошлом. В зависимости от того, есть в этих сказках волшебный вымысел или нет, их в свою очередь можно подразделить на две группы: бытовые фантастические и бытовые реалистические, или собственно бытовые, сказки. Наличие элементов фантастического вымысла сближает одни бытовые сказки латышских цыган с волшебными, другие — с русской быличкой. Среди первых можно назвать сказку «Romāno čhāvo te mačhōro» («Цыганский парень и рыбка»), своеобразный цыганский вариант встречающейся в восточнославянском фольклоре волшебной сказки на сюжет «Рыба-Счастье» (*ВС* — 507 С*), и «Skempo štivo dād te rabo sap» («Скупой отчим и пестрый удав»), действие которой происходит «очень далеко, в теплых странах», где девушка-красавица не может выйти на улицу с непокрытым лицом и люди дрессируют змей и животных. Единственным элементом сказочной фантастики в них является то, что животные-помощники разговаривают и действуют, как люди. В сказке «Čhaj te vešeskīru» («Цыганская девушка и вэшэскиру»[43], *LM*, 1976) рисуется яркая картина старинного быта латышских цыган. Сказка эта — тоже своеобразный цыганский вариант сюжета о женихе-мертвеце (*ВС-АМ* 365). Нечистый (леший) появляется сначала в виде лесника, а потом в виде жениха девушки. Скачущий над лесом конь нечистого и чудесные превращения — коня в белый гроб, леса в кладбище, а деревьев в могилы — составляют элементы волшебного вымысла. В другой сказке — «Rom, romni te nálačhu» («Цыган, цыганка и нечистый») — описываются вполне реальные приключения цыгана. Лишь в конце повествования узнаем, что накануне возвращения цыгана домой к его жене в образе мужа является нечистый и душит ее насмерть в своих объятиях. И еще одна сказка — «Xoxanó čhāvó» («Лживый парень»), в которой подробно описывается жизнь двух цыганских семей. Центральный образ в ней — парень, покинувший девушку, когда она го-

---

[43] Вэшэскиру — производное от цыг. veš' — лес'. В зависимости от контекста оно может означать и 'лесник', и 'леший'.

товилась стать матерью его ребенка. Позже он собирается совершить новое преступление — погубить своего старшего брата, но появляется девушка-утопленница и увлекает его за собою на дно реки.

Полностью отсутствуют какие-либо элементы сказочной фантастики в сказках «Džadžuski čhaj te bāro raj» («Дочь джаджуса и помещик»), «Nabaxtalo mlodžikus» («Несчастный жених») и «Romṇa te umblado xulasko raklo» («Цыганки и повешенный хозяйский сын», *LM*, 1978). Первая из них — трагическая история о том, как помещик за отказ цыганской девушки выйти замуж за его сына зарубил цыган. Во второй рассказывается о неудачной любви молодого цыгана и ссоре двух цыганских семей. В основе третьей лежит, по-видимому, мотив из сказки на сюжет о мести повешенного (*AT-BC-AM* 366). Мужчины из табора решают проучить богатого хозяина за то, что он стреляет в цыган из ружья, и идут воровать его добро. Тем временем оставшиеся в таборе женщины и дети находят поблизости повешенного, в котором узнают сына хозяина. Охваченные ужасом, они бегут прочь. Возвратившиеся в табор мужчины ищут женщин и детей. Обнаружив кражу, хозяин организует погоню: цыган хватают и сажают в тюрьму, а женщины с детьми и по сей день бродят неизвестно где по свету. Здесь содержится своего рода попытка дать объяснение причинам кочевого образа жизни цыган в прошлом.

В бытовых цыганских сказках, как уже отмечалось, ярко отображен реальный быт латышских цыган в сравнительно недалеком прошлом: даны картины их повседневной жизни, показаны их взаимоотношения и связи с латышским народом. Помимо цыган мы встречаем в этих сказках и представителей различных классов латышского общества — господ, крестьян, батраков. У одного латышского хозяина цыган выменивает коня, у другого снимает на зиму баньку или овин, к третьему нанимается в работники. Среди самих цыган также существует социальное неравенство: богатые эксплуатируют бедных (например, в сказке «Цыганский парень и рыбка»), причем симпатии народа всегда на стороне цыган-бедняков. Так же, как и в фольклоре других народов, в бытовых сказках латышских цыган резко осуждаются зло, несправедливость, жадность, супружеская неверность и другие пороки человека (например, в упомянутых сказках о скупом отчиме и о лживом парне).

По-видимому, немногочисленную группу составляют в повествовательном фольклоре латышских цыган сказки о животных, предназначенные обычно для детей. Пока нам известна только одна такая сказка — «Bašnōro te kaxnōri» («Петушок и курочка», записана в 1968 г. от Сандо Рудевича, 1962 г. р.), лишь зачином напоминающая латышскую народную сказку «Как петушок и курочка по орехи ходили»[44].

Самостоятельным жанром устной прозы латышских цыган являются также анекдоты о цыгане-простаке Бимбаре. Среди них есть сюжеты, известные повествовательному фольклору восточных славян и балтов, однако цыганские анекдоты отличаются национальным своеобразием. В одном из них Бимбар рубит под собою сук (*BC-AM* 1240). Его предупреждают, что он упадет, но Бимбар не верит. Упав с дерева, он думает, что предсказавший ему падение — волшебник, и желает узнать, от чего умрет. После второго предсказания Бимбар, считая себя мертвым, валится с телеги и лежит на проезжей части дороги; его «воскрешает» кнут барских слуг (*BC-AM* 1313 A). Бимбар меняет кобылу и телегу на «волшебный кнут», встречает похоронную процессию и тщетно пытается кнутом воскресить покойника (*BC* — 1313*). Известен также анекдот, близкий к персидским, в котором Бимбар, завернувшись в теплое одеяло, бросается в озеро, чтобы достать свой ключ[45]. Из другого

[44] См., например, Латышские народные сказки. Избранное. Сост. К. Арайс. Рига, 1972, с. 93, 94.

[45] См. Книга о простаках (Дахо-Наме). Сборник персидских анекдотов. М., 1968, с. 9.

анекдота (*ВС-АМ* 1736) мы узнаем, что Бимбар нанимается к хозяину в работники. Хозяин посылает его на дальний луг косить траву. Проспав целый день, Бимбар является за платой. Хозяин отказывается уплатить сумму, которую просит Бимбар. «Ах, так?! — говорит цыган.— Пусть тогда трава на твоем лугу вырастет снова большая!» Известен также вариант этого анекдота на влашском (кэлдэрарском) диалекте цыганского языка [46].

Среди исполнителей анекдотов о Бимбаре следует отметить живущего на ст. Слока (г. Юрмала, ЛатвССР) Альберта Клейна (1939 г. р.), мастерски рассказывающего их как на цыганском, так и на латышском и русском языках.

Определенный интерес представляют и брахилогизмы фольклора латышских цыган. Наряду с широким употреблением пословиц и поговорок, являющихся дословными кальками с латышских или русских паремий (*РА*, 1972), известно немало и оригинальных цыганских брахилогизмов, например: пословица «Romés gibnástir pinčkirésa» — 'Цыгана по походке узнаешь', ср. латыш. «Putnu pazīst no dziesmas» ('Птицу узнают по песне') и рус. «Виден сокол по полету»; поговорки: «kamáv, sir mīré jakhá» — 'люблю, как свои глаза', т. е. очень сильно; «mūlénge mūri biknéla» или «mūléndir mūri xála opré» — 'продает (поедает) ягоды, растущие на кладбище', т. е. очень скупой человек; загадки: «Duj baličhōré, štār porōrjá» — 'Два поросенка, четыре хвостика' (ботинки со шнурками); «Ločijúm — štār filačiṇá rikirdžúm, vibārijum — phū rokindžúm, mejúm — an khangīrí gijúm. Kon davá si?» — 'Родился — четыре имения держал, вырос — землю копал, умер — в церковь пошел. Кто это?' (корова — сначала телка, сосущая вымя, затем корова, роющая землю рогами, и, наконец, сапоги из коровьей шкуры, в которых по праздникам ходят в церковь).

Этим, пожалуй, и можно ограничить обзор основных фольклорных жанров народнопоэтического творчества латышских цыган по имеющимся у нас материалам. Поскольку настоящее сообщение является первой такого рода публикацией на русском языке, то естественно, что автор не мог в пределах одной статьи коснуться всех сторон фольклора данной этнолингвистической группы цыган. Так, в частности, в статье не рассматривалась группа любовных лирических песен, по всей вероятности, недавнего происхождения, и жанр несказочной прозы (легенды и рассказы исторического или автобиографического характера). Не затрагивались также особенности языка и поэтического стиля фольклорных жанров, представляющие собой обширную тему для отдельного исследования. Автор стремился дать общую характеристику народной поэзии латышских цыган и привлечь внимание ученых-фольклористов к интересному и самобытному фольклору одной из этнолингвистических групп цыган нашей страны.

---

[46] См. Amarí śib. Stockholm, 1979, p. 17—22.